

Тульская Юлия Тихоновна

ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ДИСКУРСОВ: ДИСКУРС КАЛЬВИНИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ПРОТЕСТАНТИЗМЕ

В первой части статьи рассматривается современный подход к исследованию религиозных дискурсов в российской лингвистике и религиоведении, выраженный в трудах таких отечественных исследователей, как Е. В. Бобырева, В. Карасик, Е. А. Кожемякин, А. М. Прилуцкий, А. К. Погасий, Ю. С. Степанов, К. В. Чумакова. А. М. Прилуцкий в своем исследовании выделяет ряд компонентов религиозного дискурса. Во второй части статьи автор анализирует эти компоненты применительно к религиозному дискурсу кальвинизма, акцентируя основное внимание на таких аспектах, как отношение к таинствам, богослужение, проповедь, литературные произведения кальвинистской традиции.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/11-2/47.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(73): в 2-х ч. Ч. 2. С. 182-185. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 123.2; 141.5

Философские науки

В первой части статьи рассматривается современный подход к исследованию религиозных дискурсов в российской лингвистике и религиоведении, выраженный в трудах таких отечественных исследователей, как Е. В. Бобырева, В. Карасик, Е. А. Кожемякин, А. М. Прилуцкий, А. К. Погасий, Ю. С. Степанов, К. В. Чумакова. А. М. Прилуцкий в своем исследовании выделяет ряд компонентов религиозного дискурса. Во второй части статьи автор анализирует эти компоненты применительно к религиозному дискурсу кальвинизма, акцентируя основное внимание на таких аспектах, как отношение к таинствам, богослужение, проповедь, литературные произведения кальвинистской традиции.

Ключевые слова и фразы: дискурс; религиозный дискурс; коммуникация; протестантизм; кальвинизм.

Тулянская Юлия Тихоновна

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
nille@inbox.ru*

ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ДИСКУРСОВ: ДИСКУРС КАЛЬВИНИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ПРОТЕСТАНТИЗМЕ

Благодаря лингвистическому повороту в философии XX века проблема дискурса оказалась в центре внимания лингвистики. Современные методы изучения дискурсов на основе семиотического подхода сложились под влиянием трудов М. Бахтина, Р. Барта, Ж. Бодрийера, Н. Брагиной, Ж. Делеза, Ж. Деррида, Ю. Лотмана, М. Фуко, Ю. Хабермаса, У. Эко и др.

М. Фуко в «Археологии знания» разработал учение о дискурсивной формации [17]. Согласно М. Фуко, дискурсивная формация является условием функционирования определенных дискурсивных практик. Т. А. ван Дейк [7] выделяет два уровня понятия «дискурс». Дискурс в широком смысле понимается как комплексное коммуникативное событие или коммуникативное действие (КД), дискурс в узком смысле – как текст или разговор. КД может быть речевым, письменным, иметь как вербальные, так и невербальные составляющие. Также понятие дискурса используется для обозначения жанра: новостной дискурс, политический дискурс и т.д.

Термин «дискурс», как пишет лингвист Ю. С. Степанов, начал широко использоваться в первой половине 1970-х гг. «первоначально в значении, близком к тому, в каком в русской лингвистике бытовал термин “функциональный стиль” (речи или языка)» [15, с. 36]. В качестве иллюстрации того, что может называться дискурсом, Ю. С. Степанов приводит работу франко-швейцарского лингвиста и культуролога Патрика Серю «Анализ советского политического дискурса» («Analyse du discours politique soviétique», Paris, 1985), где автор утверждает: «Дискурс – это первоначально особое использование языка <...> для выражения особой ментальности, в данном случае также особой идеологии; особое использование влечет активизацию некоторых черт языка <...> И <...> в конечном счете в свою очередь создает особый “ментальный мир”» [Там же, с. 38]. Ю. С. Степанов делает вывод, что дискурс – это «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности, и в конечном итоге особый мир, где действуют «свои правила истинности, свой этикет» [Там же, с. 44]. Дискурс, утверждает Ю. С. Степанов, это «возможный (альтернативный) мир» [Там же] в полном смысле этого логико-философского термина.

В сфере дискурс-анализа тема религиозного дискурса стала предметом внимания лингвистов Е. В. Бобыревой [2-4], В. И. Карасика [9], К. В. Чумаковой [18]. Е. В. Бобырева определяет религиозный дискурс следующим образом: в узком смысле – как совокупность речевых актов, которые используются в религиозной сфере; в широком – как набор действий, «ориентированных на приобщение человека к вере, совокупность речеактовых комплексов, сопровождающих процесс взаимодействия коммуникантов» [4]. Е. В. Бобырева разворачивает понятие религиозного дискурса в своем диссертационном исследовании, утверждая, что религиозный дискурс представляет собой институциональное общение, имеющее целью «приобщение человека к вере или укрепление веры в Бога» [3]. Исследователь описывает конститутивные признаки религиозного дискурса: во-первых, его содержанием являются священные тексты и их религиозная интерпретация, а также религиозные ритуалы; во-вторых, его участники – священнослужители и прихожане; и, наконец, Е. В. Бобырева отмечает типичный хронотоп религиозного дискурса – храмовое богослужение.

Согласно В. И. Карасику, структура религиозного дискурса включает цели, ценности, стратегии, хронотоп, тексты, разновидности и жанры, материал (устный, письменный). Хронотоп религиозного дискурса, как считает В. И. Карасик, очерчен четко, и его прототипным местом является храм [9, с. 268]. В структуру религиозного дискурса также входят его субъекты – агенты и клиенты, соответственно священнослужители и прихожане. Такое разделение ограничивается рамками определенной конфессии, возможна и более сложная структура.

Рассматривая религиозный дискурс в массмедиа, К. В. Чумакова расширяет круг субъектов религиозного дискурса: это агенты, клиенты (активные и пассивные реципиенты) и посредники [18]. Тексты религиозного дискурса включают в себя также дополнительные параметры: контекст и языковые средства [Там же]. Предметная область религиозного дискурса, согласно Чумаковой, включает такие концепты, как Бог, Вера и Единство, которые, по мнению автора, являются ключевыми в религиозном общении; эти три компонента

связаны между собой и представляют собой замкнутую структуру. Предметная область религиозного дискурса закладывает основу общения, имея при этом латентный характер.

Е. В. Бобырева расширяет круг субъектов религиозного дискурса, включая в их круг Бога. Она считает, что участниками религиозного дискурса выступают: Бог, который присутствует в каждом коммуникативном акте религиозного дискурса потенциально, пророк (медиум), жрец (священнослужитель) и адресат – верующий, прихожанин [3]. Е. В. Бобырева акцентирует внимание на жесткой ритуализованности религиозного дискурса. Исследовательница показывает, что семиотическое пространство религиозного дискурса формируется как вербальными, так и невербальными (акустическими, визуальными, осязательными, тактильными) знаками, а также знаками-артефактами. Е. В. Бобырева говорит о возможности применения к религиозному дискурсу понятий вербального и невербального (поведенческого) ритуала (коленипреклонение, крестное знамение, взмах кадилом и т.п.). Под вербальным ритуалом понимается «совокупность речевых образцов, очерчивающих границы ритуального действия» [Там же], то есть зафиксированные слова молитв. Е. В. Бобырева выделяет следующие компоненты референтной структуры религиозного дискурса: субъекты религии, религиозные направления (учения, концепции), религиозная философия, религиозные действия.

В религиоведении исследованием религиозных дискурсов занимаются такие отечественные ученые, как А. К. Погасий [12], А. М. Прилуцкий [13]. Эти исследователи обосновывают принципиальную возможность использования дискурс-анализа в религиоведении и применяют семиотико-структуралистский метод для анализа религиозных феноменов с религиоведческих позиций, изучая те их атрибуты, которые проявляются в области коммуникативных отношений.

Как определяет А. М. Прилуцкий, религиозный дискурс – это совокупность коммуникативных действий или событий, направленных на передачу, сохранение и развитие религиозных представлений [Там же, с. 24]. Ученый также выделяет определенные компоненты религиозного дискурса. Мы, рассматривая эти компоненты, обращаемся к исследованию религиозного дискурса кальвинизма, обозначая его границы и отделяя от других христианских религиозных дискурсов. Под кальвинизмом мы понимаем: во-первых, собственно систему взглядов, философию основателя этого направления христианства, Ж. Кальвина, выраженную в его трудах и вероучительных документах; во-вторых, взгляды и практику реформатской церкви, развитые последователями Ж. Кальвина, в Нидерландах, Англии и Шотландии; это кальвинизм «в широком смысле», куда можно включить и арминианство, отличающееся от собственно кальвинизма только в вопросах сотериологии и возникшее на его основе; в-третьих, кальвинизм «в узком смысле», как противостоящее арминианству сотериологическое учение о предопределении («пять пунктов»).

А. М. Прилуцкий в своем диссертационном исследовании [Там же] выделяет ряд компонентов религиозного дискурса. Представляется целесообразным проанализировать каждый из них в отношении дискурса кальвинизма. Первым компонентом религиозного дискурса А. М. Прилуцкий называет таинство. Это особое, обладающее свойством повторяемости религиозное событие, в котором символизм слова и действия для верующего обретает особые формы. Таинство является сакральным центром религиозной традиции. Для верующих традиционных христианских конфессий, как указывает Прилуцкий, «хлеб и вино после произнесения священником установленных *слов* и совершения действий сопряженных с ними действий не только обозначают тело и кровь Христа, но неосвязаемо, однако действительно и действительно являются ими» [Там же]. В кальвинизме понимание таинства Евхаристии ограничено богословием этого направления. В отличие от традиционных направлений христианства (православия, католицизма, а также лютеранства), кальвинизм практикует семиотический подход к Евхаристии, хлеб и вино являются знаком, символом, тесно связанным с тем, что они обозначают, но не элементами материи (тела и крови Христа). Этот знак считается действенным для укрепления веры только благодаря проповеданному слову и действию Святого Духа. Это отличие от подходов традиционных церквей и лютеранства отражается и в терминологии: термин для обозначения евхаристии в церквях с кальвинистским наследием варьируется: *вечеря Господня, воспоминание, заповедь*.

В качестве второго элемента религиозного дискурса А. М. Прилуцкий называет профетическое откровение, определяя его как особую образно-вербальную форму коммуникации между отдельным человеком и Богом, в результате которого в религиозный дискурс включаются тексты, претендующие на нормативность [Там же, с. 25]. Сюда же А. М. Прилуцкий относит сакральные тексты конфессий, претендующие на богодухновенный характер. В данном случае для дискурса кальвинизма таковыми являются Ветхий и Новый Заветы, других профетических, богодухновенных текстов дискурс кальвинизма не признает.

Третьим элементом религиозного дискурса А. М. Прилуцкий считает «тексты, восходящие к ранним этапам формирования церковной традиции-предания» [Там же]. Для дискурса кальвинизма это труды самого Кальвина, а также вероучительные тексты: Бельгийское исповедание 1561 года [1], Гейдельбергский катехизис 1563 года [6] и Каноны Дордрехтского (Дортского) Синода 1619 года [8]. Писания отцов церкви не рассматриваются как нормативная традиция. Если сам женеvский реформатор в своих трудах обращался к работам Блаженного Августина и авторов, то его последователи уже учитывают только произведения самого Кальвина и богословов следующих поколений (Т. Беза и др.). Принятые на Дордрехтском соборе «пять пунктов» кальвинизма также являются нормативными и определяют его дискурс: полная порочность, безусловное избрание, ограниченное исполнение, неодолимая благодать, стойкость/постоянство святых (невозможность утрачить спасение) [Там же]. Как в трудах Кальвина, так и в последующих нормативных для кальвинизма текстах можно выделить ряд концептов, специфических именно для формирования дискурса кальвинизма: *предопределение, суверенная воля Божья, избранные, осужденные, святые, призвание, избрание/отвержение* и т.д.

Четвертый элемент религиозного дискурса, согласно А. М. Прилуцкому, – это богослужение «как религиозная коммуникативная ситуация – хронотопная актуализация религиозной традиции и набор литургических форм, входящих в отношения синтагматической иерархичности» [13, с. 25]. Для дискурса кальвинизма в центре богослужения стоит проповедь как донесение и разъяснение слова, являющегося средством укрепления в вере. Таинства носят вспомогательный и зависимый от слова характер и не являются обязательным элементом богослужения. Важным элементом богослужения для церквей кальвинистской традиции служит пение гимнов, каждый из которых построен как небольшая проповедь и выражает богословские взгляды и позиции общины.

Следующий, пятый элемент, составляющий религиозный дискурс, – это различные гомилетические жанры [Там же] – проповеди, беседы, поучения. В дискурсе кальвинизма особое место занимает жанр проповеди. Поскольку богослужение не сконцентрировано вокруг таинства, центром и основной целью его стала именно проповедь, которая обращается не только к разуму, но и к чувствам слушателей, поэтому насыщена яркими эмоциональными образами. Также немаловажны тексты гимнов, которые служили и служат для назидания в вере, то есть в стихотворной форме фактически повторяют основные положения проповеди. Характерным примером проповеди в дискурсе кальвинизма является такой известный текст, как проповедь Дж. Эдвардса «Грешники в руках разгневанного Бога» [19]. В этом тексте налицо типичные термины кальвинистского дискурса: *ад, осуждение, погибель, грешник, суверенная воля Божья, Божественное правосудие*.

Знаменитым апологетом кальвинистского вероисповедания является баптистский проповедник Ч. Сперджен (1834–1892 гг.), автор статьи «Защита кальвинизма». Он говорил о себе: «Мое личное мнение заключается в том, что проповедовать распятого Христа можно на основании только того, что сегодня называется кальвинизмом» [21, р. 172]. Другой известный проповедник Ч. Финней происходил из пресвитерианской церкви, хотя придерживался не столько «кальвинистских» (в узком, сотериологическом смысле), сколько арминианских взглядов. Ч. Финней является автором работы об отступничестве [16], благодаря которой в религиозный дискурс протестантизма вошло само понятие отступничества и библейский термин «теплый» получил новые семантические оттенки. До сих пор эти элементы дискурса преломляются в протестантском «церковном просторечии».

Итак, в проповедях кальвинистского дискурса, как уже было сказано, особый акцент делается на идеях вечного наказания, осуждения, ада; характерными являются концепты: *грех, грешник, осужденный, проклятый; гнев Божий, охлаждение, отступление, теплота, мирской, безбожник*.

Следующий, шестой элемент религиозного дискурса, – это теологическая литература, то есть специальные тексты теологического содержания, насыщенные терминологией и тяготеющие к стилистическим особенностям научной речи [13, с. 25]. В дискурсе кальвинизма таких трудов немало, в частности, все споры о предопределении выражены в теологических работах. Так, в Америке весь XIX век ознаменован расцветом кальвинистских богословских школ в образовательных центрах.

Современные кальвинистские богословы – Джон Пайпер (представитель церкви южных баптистов) [11], Роберт Чарльз Спроул (Спраул, Спроул) [14]. Типичным для дискурса кальвинизма может служить, например, такое высказывание Джона Пайпера: «Сам Бог, Его величие, истинность, святость, праведность, мудрость, суверенность воли, благодать – все это должно стать обязательной частью любой проповеди» [11], или «на мне лежит ответственность взывать к величию Бога, чтобы главным тезисом проповеди стало верховенство Его свободной и суверенной воли» [Там же]. Р. Ч. Спроул – автор книги «Пелагианское пленение Церкви» [14]. С позиций кальвинистской сотериологии богослов полемизирует с доктриной о свободной воле человека и синергии Бога и человека в спасении. Р. Ч. Спроул утверждает: «Полупелагианское учение о свободной воле, которое преобладает сегодня в евангельском мире – это языческий взгляд, отрицающий пленение человеческого сердца грехом. Оно недооценивает влияние греха на нас» [Там же].

Седьмым элементом религиозного дискурса являются катехетические издания, популярное «духовное чтение», различные жанры и направления религиозной литературы, как ортодоксальной, так и апокрифической. Этот элемент тесно связан с восьмым. Восьмой элемент религиозного дискурса – «религиозная публицистика, возможно – художественная литература, актуализирующая религиозную проблематику в художественной форме» [13, с. 25]. Характерным примером произведения кальвинистской литературы такого рода является знаменитый «Путь паломника» Дж. Беньяна, породивший свой собственный дискурс, свою образную систему (такие аллегории, как «топи отчаяния», «ярмарка тщеславия», стали частью общего дискурса европейской и мировой культуры). Ярво выраженный кальвинистский настрой этого произведения раскрывает, в частности, М. Вебер: «Каждый, кто хочет ощутить специфическое воздействие этой своеобразной атмосферы, может обратиться к книге Беньяна “Pilgrim’s Progress”, получившей едва ли не самое широкое распространение из всех произведений пуританской литературы» [5]. Помимо этого литературного памятника, существует немало произведений художественной литературы религиозного содержания, частично или полностью выдержанных в рамках кальвинистского дискурса. В качестве примера можно привести автобиографические книги Джони Эриксона-Тада, направленные на объяснение причин страданий, неизлечимых болезней, смерти суверенной волей Бога [20].

И, наконец, согласно концепции А. М. Прилуцкого, девятым элементом религиозного дискурса является так называемое «церковное просторечие» [13, с. 25]. В церквях кальвинистской традиции или общинах, находящихся под влиянием кальвинистского дискурса, это просторечие также связано с понятиями греха, грешника, покаяния, «духовного сна» и «пробуждения», «теплости», «отступничества», частое упоминание молитвы и чтения Библии как критерия «пробужденности» верующего.

Таким образом, религиозный дискурс кальвинизма проявляется как в практике евхаристии, которую данное направление христианства толкует семиотически (как знак), так и в различных речевых актах и текстах, проповедях и богословских трудах, публицистике и изданиях для «духовного чтения». Центром кальвинистского богослужения является проповедь, центром проповеди и большинства текстов – монергетическая идея о суверенитете Бога и невозможности человека спастись и угодить Богу своими силами, о Провидении и промысле Божьем. В кальвинистском дискурсе выражена религиозная философия кальвинизма и специфический подход к таинствам.

Список литературы

1. **Бельгийское исповедание** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/77976.html> (дата обращения: 20.12.2015).
2. **Бобырева Е. В.** Религиозный дискурс в системе типов общения [Электронный ресурс]. URL: http://tverlingua.ru/archive/006/section_3_6/3_4_6.htm (дата обращения: 12.12.2015).
3. **Бобырева Е. В.** Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... д. филол. н. URL: <http://cheloveknauka.com/religioznyy-diskurs-tsennosti-zhanry-strategii> (дата обращения: 12.12.2015).
4. **Бобырева Е. В.** Религиозный дискурс: ценности и жанры [Электронный ресурс]. URL: <http://psibook.com/religion/religioznyy-diskurs-tsennosti-i-zhanry.html> (дата обращения: 11.12.2015).
5. **Вебер М.** Протестантская этика и дух капитализма [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Veb_PrEt/01.php (дата обращения: 12.12.2015).
6. **Гейдельбергский катехизис** [Электронный ресурс]. URL: http://www.rockofisrael.com/Russian/Heidelberg_CatechismR.htm (дата обращения: 20.12.2015).
7. **Дейк Т. А. ван.** К определению дискурса [Электронный ресурс]. URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (дата обращения: 05.03.2016).
8. **Каноны Дортского синода** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.refspb.ru/2009-03-21-09-17-37/28-2009-04-21-07-59-50/127-2009-04-21-08-03-00> (дата обращения: 20.12.2015).
9. **Карасик В. И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
10. **Корнер Д.** Сперджен – кальвинист [Электронный ресурс]. URL: <http://rusbaptist.stunda.org/dop/spurgeon.htm> (дата обращения: 13.12.2015).
11. **Пайпер Дж.** Величие Бога в проповеди [Электронный ресурс]. URL: <http://romanbook.ru/book/8037763/> (дата обращения: 12.12.2015).
12. **Погасий А. К.** Конкурентные религиозные дискурсы в социально-исторической эволюции русского православия: дисс. ... д. филос. н. СПб., 2013. 431 с.
13. **Прилуцкий А. М.** Семиотическое пространство религиозного дискурса как предмет религиоведческого исследования: дисс. ... д. филос. н. СПб., 2008. 449 с.
14. **Спроул Р. Ч.** Пелагианское пленение церкви [Электронный ресурс]. URL: <http://www.reformed.org.ua/2/85/Sproul> (дата обращения: 12.12.2015).
15. **Степанов Ю. С.** Альтернативный мир, дискурс, факт и принципы причинности // Язык и наука конца XX века: сб. ст. М.: РГГУ, 1995. С. 35-73.
16. **Финней Ч.** Отступники [Электронный ресурс]. URL: http://udovichenko.ucoz.ru/load/sbornik_propovedej_charlza_g_finneja/4-1-0-526 (дата обращения: 13.12.2015).
17. **Фуко М.** Археология знания / пер. с фр.; общ. ред. Бр. Левченко. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.
18. **Чумакова К. В.** Религиозный дискурс в массмедиа [Электронный ресурс]. URL: <http://discourseanalysis.org/ada6/st47.shtml> (дата обращения: 12.12.2015).
19. **Эдвардс Дж.** Грешники в руках разгневанного Бога [Электронный ресурс]. URL: <http://www.propovedi.ru/resource/sinners-in-the-hands-of-god/> (дата обращения: 01.05.2016).
20. **Эрикссон-Тада Дж.** Джони. Следующий шаг [Электронный ресурс]. URL: http://aupam.narod.ru/pages/tvorchestvo/dzhoni_sled_shag/index.html (дата обращения: 01.04.2016).
21. **The Autobiography of Charles H. Spurgeon:** in 4 vol. Cincinnati – Chicago – St. Louis: Curts & Jennings, 1898. Vol. 1. 398 p.

RESEARCH OF RELIGIOUS DISCOURSES: DISCOURSE OF CALVINISM IN MODERN PROTESTANTISM

Tulyanskaya Yuliya Tikhonovna
Kazan Federal University
nille@inbox.ru

The first part of the article considers a modern approach to the research of religious discourses in Russian linguistics and religious studies expressed in works of such domestic researchers as E. V. Bobyrev, V. Karasik, E. A. Kozhemyakin, A. M. Prilutsky, A. K. Pogasy, Yu. S. Stepanov, and K. V. Chumakov. A. M. Prilutsky in his research identifies a number of components of the religious discourse. In the second part of the paper the author analyzes these components in relation to the religious discourse of Calvinism paying special attention to such aspects as attitude to sacraments, public worship, sermon, and literary works of the Calvinist tradition.

Key words and phrases: discourse; religious discourse; communication; Protestantism; Calvinism.